

предмете преступного посягательства, местах и способах хранения ценностей. Если преступник знал о наличии ценностей и местах, особенностях их хранения—необходимо прежде всего проверить версию о преступнике из знакомых, друзей, родственников потерпевшего.

Объем информации о личности преступника пополняется на протяжении всего расследования, но выявление исходной, максимально возможной информации и ее анализ позволяют уже в самом начале расследования начать целенаправленный розыск преступника.

¹ См.: Ведерников Н. Т. Изучение личности преступника и развитие криминалистики // Актуальные направления развития криминалистической методик и тактики расследования.— М., 1978.— С. 34.

² См.: Куранова Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики.— М., 1962.— Вып. 6—7.— С. 165.

³ См.: Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Соц. законность.— 1971.— № 11.— С. 16—17.

⁴ См.: Белкин Р. С. Собрание, исследование и проверка доказательств.— М., 1966.— С. 139—140.

⁵ См.: Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики.— М., 1984.— С. 129—130.

В. М. СИКОРСКИЙ

ПОПЫТКА КОДИФИКАЦИИ МЕСТНОГО ПРАВА БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В конце XVIII века произошло воссоединение Белоруссии с Россией, что способствовало экономическому и социальному развитию края. Анализируя новые явления в развитии экономики и общественно-политических институтов, местные прогрессивные правоведы пришли к выводу, что необходимо провести кодификационные работы и отменить устаревшие правовые нормы с тем, чтобы «обеспечить дальнейшее законодательное движение»¹.

Предложения прогрессивных юристов были вызваны тем, что в западных губерниях Российской империи вплоть до 1840 года продолжали действовать многочисленные, изданные на разных языках нормативные акты, подчас имеющие дублирующие и взаимоисключающие нормы. Объяснялось это тем, что царское правительство в белорусских, литовских и частично украинских губерниях сохранило действие законодательства Великого княжества Литовского, которое в Речи Посполитой не было систематизировано. В именном императорском указе, данном чиновникам, управляющим западными губерниями, было сказано: «Суд и расправа внутренних тех провинций в личных делах имеют производиться по их законам и обыкновениям и их языком, во всех тех случаях, кои не затрагиваются до власти нашей»². Указ от 11 сентября 1797 года также подтвердил, что все судопроизводство в Минской, Волынской и Подольской губерниях должно вестись «на самых правилах, коими... суды по прежним их правам и привилегиям, в Статуте и конституциях изображенным, прежде руководствовались»³.

Однако административное устройство в белорусских губерниях и большинстве судов были организованы по российскому образцу. На Белоруссию распространялась общероссийская налоговая система и многие нормы уголовного законодательства.

Учитывая многочисленность правовых источников, царское правительство уже в начале XIX века пыталось упорядочить законодательство. С 1804 года была начата работа по составлению свода законов, действовавших на территории Белоруссии и Литвы. Комиссия по составлению свода столкнулась с проблемой розыска основных источников права Великого княжества Литовского. Второй причиной, затруднявшей работу комиссии, являлось отсутствие специалистов, имевших глубокие познания в местном законодательстве. Третье препятствие заключалось в безразличном отношении к кодификации местных органов управления, юстиции и прокуратуры, вершивших повсеместно произвол и беззаконие.

Несмотря на требования царского правительства ускорить кодификацию законодательства Белоруссии, Литвы и Украины, комиссия к 1811 го-

ду сумела разыскать лишь несколько экземпляров опубликованного на польском языке Статута Великого княжества Литовского, перевести его на русский язык и опубликовать оба текста. Анализируя работу комиссии, И. Н. Данилович писал, что издание предназначалось «для удобства русских сенаторов, которым приходилось в С.-Петербурге разрешать польско-литовские процессы»⁴.

Вся дальнейшая деятельность комиссии свелась к разработке планов и общетеоретических вопросов по подготовке проекта свода законов, а практическая работа возлагалась на работников суда и прокуратуры. Главнo-управляющий комиссией князь В. П. Лопухин предписывал военным губернаторам, управляющим западными губерниями, «учредить особые комитеты из сведущих, опытных людей для составления сводов существующих частных законов губерний, особыми правами пользующихся». Объяснял он это тем, что «комиссия не имеет совершенно полных собраний столь разных в оных губерниях действующих местных законов... Одновременно он требовал, чтобы «своды сии принципиальных особенных законов... гораздо удобнее составлены были в том же порядке и по тому же положению, как своды общих законов Российской империи»⁵.

Вскоре комиссия выслала комитетам утвержденный план для составления систематизированного свода законов. В состав комитетов были включены чиновники суда и прокуратуры, которым предписывалось «в свободное время от своих занятий по должностям... заниматься составлением свода законов»⁶. Не имея ни нормативных материалов, ни опыта кодификационных работ, комитеты по сути дела бездействовали. Чиновники, возглавившие комитеты, преследовали только корыстные цели и требовали значительных сумм под предлогом большого объема кодификационных работ. Расходы только на содержание Витебского комитета ежегодно составляли 7 тыс. рублей⁷. Даже Виленский комитет, имевший возможность привлечь к составлению проекта свода местных законов ученых-правоведов университета, не отличался активностью. За время своего существования он сумел переписать в одну книгу указы с 1795 по 1800 годы и на этом прекратил работу.

Предпринимались попытки исправления русского перевода Статута Великого княжества Литовского 1588 года, при подготовке которого не был использован белорусский текст, в связи с чем был допущен ряд погрешностей и ошибок. Специальная комиссия, в состав которой вошли преподаватели правовых дисциплин Виленского университета И. Данилович и Я. Зноско, потратила много сил и энергии, но довести работу до конца не смогла, так как многие члены этой комиссии были репрессированы за участие в студенческих волнениях в Белоруссии и Литве.

Только в 1828 году возобновились работы по кодификации законодательства, которые были поручены II отделению императорской канцелярии. Для подготовки проекта свода было решено привлечь ученых и практических работников судов из Белоруссии, Литвы и Украины. В штат отделения подбирались юристы, зарекомендовавшие себя как лояльные ученые, поддерживающие мероприятия царизма по централизации государственного управления и ограничению самостоятельности местных властей. В январе 1830 года к работе во II отделении был привлечен метрикант Литовской Метрики, бывший филomat Ф. С. Малевский, который в 30-е годы отошел от политической борьбы. Генерал-губернатор князь Н. Н. Хованский рекомендовал М. Сперанскому для составления свода дворянина Вакара, а в помощь ему просил назначить от Витебской губернии М. Рыка и от Могилевской А. Нитославского. Но, кроме преданности государю и его законодательной политике, чиновники отделения должны были основательно знать как действующее законодательство, так и историю государства и права Великого княжества Литовского. Поэтому кандидатуры, предложенные Н. Н. Хованским, были отклонены. 26 февраля 1830 года ко II отделению был прикомандирован профессор И. Н. Данилович.

В период проведения кодификационных работ в Белоруссии и Литве царское правительство стремилось ликвидировать местные законы. 1 января 1831 года был издан указ о введении в Могилевской и Витебской губерниях российского законодательства и запрещении применения в судопроизводстве белорусского и польского языков⁸.

Были введены ограничения на применение местного законодательства и в других белорусских губерниях. Всем органам управления были даны наименования, существовавшие в российских губерниях. Первые департа-

менты главных судов были преобразованы в уголовные палаты, поветовые земские суды были переименованы в уездные, а городские суды ликвидированы.

С отменой местного законодательства в Могилевской и Витебской губерниях еще больше усилилось давление органов юстиции на юристов, занимающихся подготовкой проекта свода. Хотя составителям проекта приходилось считаться с тенденциозным отношением правительства к местному праву, все же в проект были включены многие нормы местного происхождения. Это послужило поводом для принятия самодержавием решения об отклонении проекта. 25 июня 1840 года был издан указ о введении во всех белорусских губерниях российского законодательства. В официальных документах было запрещено упоминать наименования Белоруссия и Литва.

¹ Данилович И. Библиографическое описание всех досель известных экземпляров Литовского Статута (извлечение) // Бершадский С. О наследовании в выморочных имуществах по Литовскому праву.— СПб., 1892.— С. 92.

² Полное собрание законов Российской империи: Собр. 1-е — СПб. 1830.— Т. 19 — С. 507—508.

³ Там же.— С. 731.

⁴ Данилович И. Библиографическое описание всех досель известных экземпляров Литовского Статута.— С. 92.

⁵ ЦГИА БССР.— Ф. 1416, оп. 4, д. 1154, л. 2.

⁶ Там же.— Л. 5.

⁷ Там же.— Л. 2.

⁸ ЦГИА БССР.— Ф. 1297, оп. 1, д. 5299, л. 40.